

Татьяна Богомолова

Вопреки

Сборник рассказов

Москва

Интернациональный Союз писателей

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б74

Продюсер проекта Елена Наливина

Богомолова, Татьяна

Б74 Вопреки / Татьяна Богомолова. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. — 148 с.

ISBN 978-5-6052262-3-9

Рассказы, составляющие сборник, основаны на реальных историях — интересных, необычных, порой пугающих и даже мистических. Историях, которые идут вразрез с обыденным и заканчиваются совсем не так, как ожидалось. Что движет героями, жизнь которых кардинально меняется вопреки обстоятельствам? И не только жизнь, но и внутренний мир. Что движет их поступками, поступками окружающих людей? А может быть, КТО?

18+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6052262-3-9

© Татьяна Богомолова, 2024

© Интернациональный Союз писателей, 2024

Перемены

Захарка рос странным. Мать всячески защищала сына перед мужем и посторонними, боялась, чтоб тот не попал в психиатрическую лечебницу. Хотя с детьми такое случается редко, но матери Захара это было неведомо. Когда четырёхлетний ребёнок вылезал ночью в форточку и шёл к соседям среди ночи, Евдокия Никифоровна называла это лунатизмом и просила у соседей сострадания к мальчику. Ведь они не раз говорили ей, что видят Захарку у себя дома: то под кроватью, то на полочке в коридоре или перед дверью. «Батя контуженным пришёл с войны, немолод уже. Что ждать от мальчика?» — шептались одни. Другие не соглашались: «Контуженный — не инвалид. Вон в органах внутренних дел работает. Не на побегушках, чай, начальство».

Так и вырос Захар между двух лагерей: жалеющих и ругающих. Мать иногда расспрашивала сынка, почему он убегает ночью из дома. Мальчик отвечал, что не помнит. Но с семи лет стал понимать и бояться бесов: они мерещились ему ночью. И Захарка боялся — причём отчаянно. В малой комнатке он спал с раннего детства один. Отец не давал сыну сблизиться с матерью, отучал от её нежностей уже с трёх лет. Прийти ночью в комнату к родителям Захарка не мог — запрещали категорически. Он и сбегал единственным доступным способом, ведь дверь была закрыта на ключ, а тот хранился у отца. У соседей же ребёнка кошмары не мучили.

В школьные годы Захар оставался боязливым, и сверстники это чувствовали. Часто он оказывался жертвой более сильных мальчишек, которые, подбегая, кричали: «Намылим харю Захару» — и били в лицо или в грудь. Он считал, что его беды от этого имени, и глухо ненавидел родителей. Учился Захарка плохо, от чего мать только вздыхала и тайно молилась, а отец бил сына ремнём без пояснений.

Но все изменилось, когда отца осудили по уголовной статье. Мать и бабушки молчали, но Захар слышал, что болтали соседи. «За пристрастие к сугубой справедливости заслали Григория Ананьевича. Не поделил что-то с властями», — говорили одни. Но злые отвечали: «Не так всё. Скурвился фронтовик. Проворовался».

Слова и похуже слышал подросток, но вскоре перестал замечать кривотолки. Начались в его жизни перемены в связи с потерей отца: именно так Захарка расценил слова матери. Евдокия Никифоровна, жалея сына из-за побоев сверстников, вскоре привела его в Дом культуры — в секцию по борьбе и боксу. Нового Захара одноклассники и парни постарше почувствовали уже через три месяца: походка, взгляд карих глаз, манеры изменились неузнаваемо. И, проверив для интереса свои догадки, напоролись на неведомые им раньше кулаки и силу воли. Постепенно подросток стал лучше учиться в школе, все его страхи рассеялись. Он впервые за свою школьную жизнь решил не стричься очень коротко, и дома мать-парикмахер делала ему красивую причёску. Теперь никто не мог покуситься на его каштановые волнистые волосы: ни облить, ни дёрнуть за них.

А через год Захара заметила одна из соседских девчонок: с улыбкой дерзко глядела на паренька. И ему тоже она нравилась, только робел, боясь подойти. Ходила, правда, девушка в другую школу: для инвалидов ума и тела, как называли взрослые люди

то учебное заведение. Год за годом рождалось в этом регионе всё больше детей с тем или иным уродством, врождёнными заболеваниями. И даже дети-обрубки — без ног и рук. Казалось, вся совокупность вредного производства была здесь размещена, и злые языки болтали, что все беды от этого.

Вот в такой школе и училась Пелагея. Однако она тяготилась пребыванием среди одноклассников. Руки-ноги у неё были целы, говорила хорошо, не мычала, как некоторые в той школе. Единственный недостаток был у неё — замедленное мышление. Будто достигала её ушей фраза говорившего через полминуты, и думала она, что ответить на простые фразы, немалое время — от минуты до пяти.

Пелагея была старше Захара на два года и уже заглядывалась на парней в свои семнадцать. Они знали о её дефекте и норовили изнасиловать. Но она, девка отчаянная, билась, что мальчишка, иногда и нож показывала. Расцветала же не по годам — по месяцам.

— Знаешь, буду тебя защищать, — подошёл однажды весной подросток к девушке, встретив после уроков у школы для вспомогательного обучения. — А восемь классов скоро закончу, увезу тебя в другое место... Ведь не дадут тебе прохода. А этак кого пришибёшь — мать говорила, отправят тебя в колонию. А там — худо дело. Вся жизнь твоя молодая будет исковеркана.

Спустя пару минут Пелагея энергично кивнула, тряхнув природной кудрявой копной русых волос, в большей мере поняв многое из сказанного по добрым глазам подростка. Она широко улыбнулась Захару, обнажив белые ровные зубы.

— Пойдём к нам домой, — неожиданно властно попросил он. — Мама пригласила. Сегодня у меня день рождения.

Захар взял девушку за ладонь, и через несколько минут, идя с ним по улице, она произнесла:

— Я поняла: твой день рождения. Мама твоя зовёт меня.

Подросток, кивнув, промолчал. Апрель благоухал зелёной свежей листвой, высокой травой, одуванчиками, мать-и-мачехой, птицы весело щебетали, и школьники в своих думках незаметно пришли к дому, где в одной из квартир жил Захар с матерью. За праздничным столом Евдокия Никифоровна поспрашивала Пелагею на разные темы, да внезапно поняла, что говорить с десятиклассницей надо медленно, по одному короткому предложению, с паузами, и притом — громко.

— Если с чувством, с толком, с расстановкой, то всё у вас получится, — сказала Евдокия Никифоровна, похлопала сына по плечу и вышла из зала в свою спальню.

Сын с девушкой поглядели на неё, а услышав произносимые шёпотом молитвы Богу, вздохнули.

— Наелась, вкусно? — спросил Захар, влюблённо глядя на Пелагею.

— Да, — неожиданно быстрее обычного ответила старшеклассница, взглянув большими голубыми глазами в сторону спальни. — Моя бабушка тоже молится Богу.

— Значит, будет толк, — промолвил Захар заученными материнскими словами.

Он взял со стола рисунок и внимательнее взгляделся. Пелагея подарила его сразу, как только они вошли в квартиру. Её учила рисовать бабушка с образованием архитектора, считавшая, что умение изображать красивое на полотне поможет внучке выживать, когда их с матерью не станет.

Девушке понравился его восхищённый взгляд, и она вскоре уверенно сказала:

— Ещё немного поучусь рисовать, и бабушка будет... продавать моё... творчество.

— Ух ты! — удивился Захар — Ты классная!..

— А для кого ты нарисовала, почему таскала в портфеле? — немного погодя ревниво спросил паренёк.

Пелагея впала в ступор, сразу уловив не столько смысл его слов, сколько другую интонацию голоса. Слезы подступили к глазам, но внезапно она осознала идею вопроса и звонко, с улыбкой, ответила:

— Ни для кого! Рисую, когда время есть! В школе — тоже. Бабушка ждёт эту картинку... Но я тебе... подарила.

Неожиданно Захар чмокнул Пелагею в щёку и искренне прослезился.

За окном багрянело небо, как будто сверху политое свекольником — это заходило на западе солнце. «Быть переменам», — уверенно подумала Евдокия Никифоровна, и, сидя в кресле, взглянула на улицу.

Пелагея улыбнулась, увидев красивый закат за окном.

Солнечный ребёнок

Палата на одну роженицу была противна до тошноты лежащей на белоснежных простынях зарёванной женщине. От тоски и уныния её хоть как-то отвлѣк бы рисунок на стенах, но здесь не было даже намѣка на цвета. Бэллу всегда удручала белизна, как будто зовущая душу художницы заполнить его пустоту. В её небольшой жизни очень скоро исчезли белые стены, двери или обои. Родители быстро поняли какую-то, как им казалось, патологическую ненависть девочки к белому цвету: она изрисовывала его всюду, где только видела. Другие цвета она берегла и не омрачала тогда ещё «каляками» и неумелыми рисунками.

Однажды, когда в детстве Бэллочка лежала в больнице после операции, мама, зная странную нелюбовь дочки к белым предметам, наклеила на стену возле кровати красивые и красочные фотообои с осенним пейзажем. Глядя на них, девочка легче переносила белизну противоположной стены, где лежала другая пациентка. Мать Бэллы считала, что именно поэтому их дочь выписали из больницы на четыре дня раньше, нежели её соседку по палате. По словам лечащего врача, девочки были ровесницами и одинаково здоровыми, но его удивляла странность: Бэлла после той же самой операции поправилась быстрее...

«Почему, почему?! — перебивал все остальные мысли отчаянный вопрос. — В чём же я-то виновата?» — с непроходящей злобой в сознании уже сутки думала Бэлла.

Молодая женщина повернулась набок и, почувствовав влагу на груди, вспомнила о материнских обязанностях. Но ребёнок с другой стороны широкой кровати не шевельнулся и, казалось, спал, и мысли матери перекинулись на мучающий её вопрос.

В раздражённом сознании роженицы мелькала мысль уморить ребёнка голодом: «Кто и узнает? Умерла и умерла... Не убила. Просто не выжил ребёнок и всё. На меня такое не подумают. Борис-то ещё не знает про... особенность ребёнка. Когда утихнет его горе, скажу ему, от чего избавила нас с ним судьба. Родим другого. Какие наши годы? А так... Вряд ли муж останется. А я хочу с ним жить, мы любим друг друга!»

Женщина снова беззвучно заплакала. Ребёнок заёрзал и заагукал. Бэлле не хотелось поворачиваться и вновь смотреть на личико «идиотки», как она про себя уже называла новорождённую. Мысли злым галопом скакали в сознании, но усилием воли она заставила их уgomониться и поплыть по другому руслу: «Понятно, почему шизики не могут вылечиться в белых палатах. От этих стен можно с ума сойти. Наверное, поэтому и пациенты обычных больниц долго лечатся. Кто придумал это уродство? В СССР долгое время стены были зелёного цвета — мама говорила...»

Ребёнок захныкал и разразился плачем. Бэлла помедлила, но быстро поняла, что увильнуть от материнских обязанностей не удастся: придёт прикреплённая к ней медсестра, или заглянет кто-нибудь, проходящий по коридору. Нехотя женщина лёжа повернулась к ребёнку, прислонила девочку к груди.

Новорождённая довольно зачмокала, высасывая густое, обильное молоко матери. Медсестра говорила Бэлле уже дважды, что так кормить младенцев нельзя. Роженица отмалчивалась, раздражённо ощущая тупую боль в детородных органах, да и сидеть ей было очень больно.

«Конечно, — неспешно думала женщина, — окажись она нормальным ребёнком, я бы всё перенесла... пошла бы на любые жертвы. Но с этой...»

Бэлла подавила готовый вырваться всхлип и новые слёзы, потому что в сознании мелькнуло: «Этак превращусь в такую дурнушку, что Борис не узнает. И так уже глаза опухли, сама не узнаю себя. Из голубых стали чуть ли не белыми... с красной каёмкой».

Молодая мать вдруг вспомнила первый день после родов, счастье быстрого разрешения от бремени, поздравления родных по смартфону. Это был самый радостный день её жизни, в который она впервые не заметила удручающего её цвета стен. Как они с мужем ждали ребёнка! Оба сюсюкали над её животом, разговаривая с младенцем в чреве. Уже к вечеру родственники оповестили, что совместно купили всё необходимое для новорождённой, а дома маму с ребёнком ждут шары и цветы, и множество подарков.

Но всё изменилось на второй день: именно тогда Бэлла узнала от медсестры и врача страшный диагноз дочери. По этой причине уже двое суток мать младенца пребывала в состоянии растерянности, в озлоблении на судьбу и жалости к себе.

«И какой будет облом, если я...» Женщина не успела додумать мысль до конца, как вошла в палату медсестра. Увидев ситуацию с новорождённой, она покачала головой и уверенно промолвила:

— Всё понятно: хочешь убить ребёнка. Хуже, если сделаешь её в чём-то другом калекой. Ты хотя бы придерживай её на руках. А лучше сядь. Есть же вторая подушка, давай подложу тебе. Просто будешь спать на одной. Ничего страшного.

Медсестра с первого же дня разговаривала с двадцатилетней девушкой на «ты» по праву шестидесятилетнего возраста. Бэлла быстро поняла её отношение к своей проблеме и не хотела